

On Thu, 06 Oct 2005

Николай Р... <...@mail.ru> wrote:

Игорь, здравствуйте.

Я прочитал вашу вещь, спасибо. Знаете, пока – не пойдет. В рассказе слишком много явных ляпов, править и редактировать ее – труд неподъемный. Много говорить не буду, коротко разберу первый абзац, показываю ляпы:

1. От переноски ПКМ за 15 минут не сдохнет даже самый дохленький боец.

2. Бойцы НИКОГДА не усиливали броники (за 20 лет службы ни разу такого не видел), чаще они, наоборот, эти пластины выкидывают для облегчения (а сержанты их за это дупят).

3. Пулеметчику никто не даст автомат – у гранатометчиков второе оружие АКСУ (раньше давали пистолеты Стечкина), а пулеметчику – по штату не положено.

4. Вес пулемета со 100-патронной лентой – около 12 кг, а не 10.

5. Какой, к чертовой бабушке, привал в ауле?! Жить надоело, что ли?

Игорь, для вашей же пользы – лучше не надо. Рискуете заработать лавры Ляписа Трубецкого с его «стремительным дамкратом», оно вам надо? Читатели и авторы нашего сайта – народ строгий и въедливый, старые солдаты, не знающие слов любви. Залажают, бессердечные гады. Я бы посоветовал вам выложить ваши вещи на сайте у Мошкова, в журнале «Самиздат». Туда все примут. Ну и отзывы читателей посмотрите, поймете, над чем работать. А рассказы у вас неплохие. Не в моем вкусе, правда – не люблю депрессию и не понимаю вообще – какая на асфальте может быть депрессия? – но все равно, есть стиль и чувство слова. Без обиды, ладно?

Удачи!
Николай

On Fri, 07 Oct 2005

«Игорь Альмечитов» <... @rambler.ru> wrote:

Добрый день, Николай.

Без обиды...

Рассказ был самый первый и любительский, потому слабый – согласен на все 100%. Даже то, что послал его вам на ознакомление, уже было ошибкой с моей стороны. Хотя все же лично вас я и не знал, когда посылал рассказ вам. Думаю, в какой-то степени меня это извиняет.

А теперь по вашим же пунктам:

1) Вы сами лежали под пулями, чтобы рассуждать о подобных вещах? Хотя бог с ним... Ближе к теме...

«От переноски ПКМ», когда недосыпаешь, а то и вообще не спишь по несколько суток кряду, когда сам ПКМ весит 9,9 кг, когда на вас, помимо этого, висит еще килограммов 40–45 веса, пробовали ходить, я не говорю – бегать?

2) Вы видели последствия того, когда одиночные тонкие пластины пробивала пуля калибра 7.62 и рубила кишки в капусту, метаясь от одной стенки бронезилета к другой? Я не знаю, кто «не усиливал бронезилетов НИКОГДА», – на моих глазах это делали десятки человек, именно потому, что стереотипы кабинетных теоретиков там не срабатывали (с тем, что рассказ слабый в плане стилистики, я уже согласился, но о вещах, о которых сами не имеете представления, не судите бога ради – я видел результаты того, как у комбата одиночная ТОЛСТАЯ пластина едва выдержала скользящее попадание пули 7.62 калибра и сломала ему ребро). Что касается сержантов – то там различия в званиях не имели значения, но надо отдать сержантам должное – и они это делали – я имею в виду утяжеляли бронезилеты.

3) Дорогой вы мой, уж извините за обращение, вы городите абсолютную чушь, вбитую в вас не знаю даже где – возможно, в ваших же военных училищах. Лично я на себе таскал почти постоянно ПКМ, АКС (потому что ПКМ, если не знаете, периодически клинит – неважно кто и что считает – я говорю о собственном опыте и опыте всех тех, кто меня тогда окружал) для подстраховки и не менее 5–6 магазинов к нему. Я постоянно таскал с собой несколько гранат, потому что ваши военные измышления здесь просто пустые слова, когда перед тобой духи, и не дай бог не хватит несколько десятков патронов – не буду говорить, что делали с солдатами там, и вам не дай бог увидеть вживую такое – утяжелили бы и бронезилеты, и таскали бы по несколько автоматов сразу... Я также таскал с собой «Муху» – одну как минимум и почти постоянно, когда не надо было нести чего-то еще. Если ничего не знаете о той войне из личного опыта, забудьте про ранжиры и стереотипные инструкции – ребята просто хотели выжить и ненавидели и армию, и таких инструкторов, потому что не видели смысла ни в той войне, ни в присутствии в Чечне, и героизма там было одновременно и с гулькин хрен, и в то же время на каждом шагу. И не ищите противоречия в моих словах – если бы побывали там, то поняли бы, о чем я говорю. Кстати, «не по штату» – таскал с собой сначала один, а потом два охотничьих ножа... Так... на всякий случай. Думаю, этого в штатном расписании тоже не найдете...

4) Если пишете про 10 или 12 килограммов ПКМ, то хотя бы удосужьтесь внимательно прочитать мою пусть и слабую прозу – вот вам дословно: «К десятикилограммовому пулемету была пристегнута

коробка с лентой в сотню патронов» – где вы видите общий вес, описанный здесь?

5) Где вы заметили в моем рассказе «аул»? Грозный – это Грозный, и на другом берегу Сунжи – частные кварталы – хоть выкладки давайте верно.

Жаль, что вы не поняли основного – насколько грязной была та война (как, впрочем, наверняка и любая другая) и скольких она сделала ка-leками – либо моральными, либо физическими. Мне просто стыдно за вас – «старых военных, отслуживших по 20 лет».

Извиняться не буду – если умный человек – поймете, что просто отвечал на ваше неказистое мнение.

Хочу, чтобы вы поняли – во мне не говорит уязвленная гордость по поводу того, что рассказ вам не понравился – я перевалил через тот возраст, когда мне требовалось признание в глазах окружающих, а только против однозначных и упертых мнений. На это могу ответить только одно – почитайте Монтеня – вот 26-я или 27-я глава его «Опытов» так и называется – «Безумие судить, что истинно и что ложно, на основании нашей осведомленности».

Вот на этом и предлагаю завершить нашу переписку.

Игорь Альмечитов

Наступит день, и мы вернемся,
И будут нам светить издалека
Не звезды на погонах у комбата,
А звезды на бутылках коньяка.

От ремня ПКМ, перекинутого через плечо, и напряжения уже через четверть часа начало ломить мышцы спины. Каждую секунду, направляя дуло пулемета в пустые и темные глазницы окон, разбитые калитки, щели в заборах, я ожидал очереди духов...

Поверх бушлата я надел двадцатикилограммовый бронежилет, специально мной утяжеленный – во все кармашки спереди и сзади, помимо тонких, в два слоя были всунуты толстые металлические пластины – хоть какой-то шанс остаться живым при прямом попадании пули или осколка. За спиной висел АКС-74 «Калашников». К десятикилограммовому пулемету была пристегнута коробка с лентой в сотню патронов, в четырех карманах бронежилета на животе были вставлены магазины с автоматными патронами, в карманах на груди и спине упаковки патронов, в карманах бушлата лежали несколько гранат РГД и Ф-1. Из-за всего этого уже некуда было вешать «мух» и «шмелей» – одноразовых гранатометов и огнеметов...

Утро было сырым и туманным, небо было еще темное, но чувствовалось, что скоро начнет светать. Под ногами то и дело хрустели осколки оконных стекол и битый кирпич. Несмотря на то что только начался февраль, снега не было вообще.

Шли двумя группами – под прикрытием домов и деревьев, по обеим сторонам дороги, ожидая привала и возможности поспать хотя бы несколько минут. После суток напряжения при малейшей остановке глаза начинали слипаться, ступни и спину ломило от усталости, но неживая пугающая пустота улиц не давала окончательно расслабиться...

Первая очередь разорвала тишину и, казалось, наконец расставила все по местам, хотя каждый в глубине души надеялся, что в это утро нам повезет и мы не натолкнемся на духов...

Стреляли по другой стороне улицы, по второй группе. Я только прошел аккуратно уложенную кучу кирпичей перед очередным домом. С первым выстрелом резко присел на колени. Понадобились долгие полторы секунды, чтобы вскинуть пулемет, направить ствол в сторону разбитого дома на перекрестке метрах в тридцати от меня, перевалиться на задницу и нажать на спуск.

Все уже стреляли. Звуки ПКМ наложились на остальную стрельбу и почти полностью заглушили ее. В таком сидячем положении, зажав приклад пулемета под мышкой, я продолжал палить по пустотам окон бронебойно-зажигательными пулями, от которых внутренности дома светились нереально розоватым, призрачным светом. После дюжины выстрелов в доме наступила тишина. По инерции я продолжал жать на спуск и выпустил еще десятка полтора патронов, одновременно выливая на духов самые грязные ругательства, которые знал. Вокруг стоял такой же мат, по мере затихания стрельбы становившийся все отчетливей.

Пулемет резко заклинило – в ленте не было одного патрона. ПК щелкнул вхолостую и затих. Я воспользовался затишьем и отполз за кучу кирпича. Там уже сидели несколько человек. Некоторые из них периодически высывались и давали короткую очередь по дому. Я открыл крышку ПК, поправил ленту и передернул затвор. Чика стянул с плеча огнемёт и орал на всех, чтобы заткнулись и не стреляли.

Наступила относительная тишина – постоянно кто-то срывался и стрелял, заглушая собственные злость и страх. Казалось, даже сердце билось где-то в самой глотке. В ту же минуту духи снова открыли огонь – мелкие яркие вспышки и разрывы выстрелов, вдвойне гулкие в коротком затишьи, словно забивающие гвозди в издерганные нервы.

Казбек высунулся из-за кучи кирпича и разрядил в дом полмагазина. Я подполз к выступу, отодвинул Казбека рукой и, не целясь, выпустил в контуры дома еще двадцать-тридцать патронов. После ПКМа опять наступила тишина. Чика, наконец, приготовил «шмеля». Несколько человек дали по короткой очереди для прикрытия. Он встал в полный рост – все сидевшие рядом заткнули пальцами уши, – прицелился и выстрелил. Если в доме на тот момент остался кто-то еще, то в доли секунды заряд «шмеля» выжег все живое...

Кто-то отдал приказ отходить. Один за другим короткими перебежками отошли метров на пятьдесят назад в переулок, под прикрытия одинаково серых полусожженных домов, чуть больше месяца стоявших без хозяев и уже пришедших в полную негодность. Во всех оконных проемах не было стекол, редкие рамы болтались на одной петле либо обуглились до такой степени, что при прикосновении осыпались густой черной пылью.

Человек шестьдесят замерло в ожидании нового приказа. Некоторые прислонились к заборам или стенам домов, большинство уселись на пожухшую прошлогоднюю траву. Почти все тихо переговаривались.

– Вроде бы ребят из разведроты зацепило...

– Говорят, Жуков ранен...

– Хоть бы назад за речку отошли...

– Может, через недельку выведут отсюда. И так уже половины народа нет...

– Кому ты на хрен нужен... Пока всех не перебьют, хрен кто отсюда вылезет...

Совсем недавно мы переправились через Сунжу. Многие уже мечтали о том, что их легко ранят и будет возможность вырваться из этой мясорубки, по крайней мере в госпиталь, к нормальной кормежке, покою и тишине. Туда, где нет войны...

Небо, наконец, засерело. Туман не рассеивался, казалось, даже сгустился оттого, что в утренней мгле стало видно, насколько он плотен.

Кто-то тронул за плечо. Стрельцов, замком 7-й роты.

– Где остальные?

– Кто «остальные»? – не понял я.

– Разведзвод где? – «Остальные» – это Роман и Ящур. Три человека – остатки всего взвода.

– Не знаю... Здесь где-то.

– Давай, ищи их и на угол. Если что... – Он задумался на мгновение и махнул рукой – делай, мол, что хочешь.

Вставать страшно не хотелось. Не спали уже больше суток, и эта остановка казалась достаточным поводом для отдыха. Романа нигде не было видно. Я зацепил Ящура, ворчавшего под нос ругательства, и поплелся с ним на угол. Метрах в двух от выступа лег на сырой асфальт, усыпанный отвалившейся штукатуркой, подполз к краю фундамента и выглянул на улицу, только что оставленную нами. Ящур устроился метрах в трех сбоку, под деревом.

Нижнее белье промокло от пота, сочившегося от напряжения. Холода не чувствовалось. Минут на пятнадцать наступила полная предрассветная тишина, лишь из-за спины слышались шепот и обрывки разговоров. Я лежал и матерился сквозь зубы. Было обидно оттого, что остальные отдыхали всего метрах в двадцати позади, и страшно, что в любой момент могли появиться духи. И хотя за спиной были свои и это вселяло относительное спокойствие, первому все равно пришлось бы подставляться мне. Страшно еще и оттого, что духи могли появиться не только из-за угла, но и с улицы напротив, а в этом случае я был бы у них как на ладони.

Я лежал и клял на чем свет стоит войну, Чечню, духов, судьбу, занесшую меня в разведзвод и кинувшую на этот никому неизвестный переулок Грозного. Ящур вторил мне в унисон. Материл я и его за то, что он, идиот паршивый, лежал на том же углу рядом со мной, а не спал сейчас где-нибудь дома под Краснодаром в тепле и чистой постели. И он был благодарен мне за мой мат, а я ему за его, потому что это было единственное, что позволяло чувствовать, что ты не один и все еще жив, вселяло надежду, что когда-нибудь все это для нас наконец закончится. И я знал, что если духи появятся, то дальше нас они не пройдут. И не потому, что силу давало ощущение, что за нами есть много людей, которые смогут прикрыть нас, и не потому, что мы – я и Ящур – должны их защитить, – плевать нам было на это, – а потому, что духи просто споткнулись бы о наши злость и усталость и не сдвинулись бы с места, пока у нас оставалось хоть по несколько патронов в магазинах.

Бушлат и штаны отсырели. Иногда я выглядывал за угол – улица была пустой. Напряжение не спадало. Неожиданно послышались звуки передергиваемых затворов. Я махнул рукой Стрельцову. Тот мигом подбежал ко мне. Я показал в сторону улицы, затем на затвор своего автомата. Он кивнул головой, показывая, что понял. Мы замерли в ожидании. Прошло минут пять. Тишина. Опять слабые щелчки затворов.

Ящур заерзал под деревом. Я повернул голову к Стрельцову, показывая сначала на ночной бинокль, висевший на ремне у него на шее, потом глазами в направлении темного переулка напротив. Он поднял бинокль, поводит им несколько секунд по сторонам и отрицательно покачал головой. Пусто. И слава богу, хотя это и не особенно успокаивало.

Наконец, спустя почти час ожидания, пришел приказ занимать окрестные дома.

Полностью рассвело. Утро было серое – туман так и не прошел окончательно – и промозглое: дышалось с трудом – в легких, казалось, оседала сырость, пропитавшая воздух.

Разместились именно в том доме, на углу которого я провалялся целый час, каждую секунду ожидая очереди духов. Дом был громоздкий и неудобный – комнат десять с верандой из свежего дерева, выходящей во внутренний дворик.

В одной комнате разместились человек пять. Первым делом задвинули оконные проемы шкапами с одеждой и, хотя было холодно, ни жечь костер, ни обустраиваться не стали – только стряхнули осколки стекла с обивки диванов и повалились спать.

Мельников, командир первой роты, осторожно ощупывал ногу – зацепило пулей. В госпиталь ехать отказался принципиально: так и ходил – прихрамывая и болезненно морщась. Сережка Смирнов из разведроты с недоумением и тоской озирался по сторонам. В руке у него до сих пор был зажат армейский лифчик, заполненный гранатами. Командира роты Жукова только что увезли в тяжелом состоянии, без сознания. Жуков шел первым, когда началась перестрелка. Пуля попала в гранату в лифчике и срикошетила в пах, перебив какие-то артерии. Еще троих ребят из разведроты увезли с легкими ранениями – почти всем в ноги. Не зацепило одного только Смирнова. И сейчас он не понимал, то ли радоваться тому, что остался жив, то ли плакать, что так и не удалось уехать отсюда.

Я поставил пулемет на стол, стащил автомат со спины, вытащил из ПК пустую ленту и начал заполнять ее. Ящур ворочался на диване, тяжело дыша и устраиваясь поудобней. Бронежилет мешал. Прокрутившись с боку на бок пару минут, он замер и тихо засопел, стараясь побыстрее согреться. Роман уже спал на одном из диванов, повернувшись ко всем спиной.

Кто-то зашел и сказал, чтобы переходили в другую комнату. Там в большой кастрюле уже горел костер и вокруг, греясь, сидели несколько человек. К оконному проему приставили огромный шкаф. Было темно, но тепло. Минометчики Боря и Грек натащили откуда-то матрацев, перин и одеял и устраивали вдоль стены лежбища. Установили дежурство по двое: один на крыше с моим ПК, второй – у ворот. Мое было через два часа. Я вышел во двор. Чика надрывался, таща найденный в доме сейф. Я помог ему. Сейф оттащили в угол двора. Чика достал шашку тротила, отрезал кусок бикфордова шнура, закрепил взрыватель, вставил шашку в замочное отверстие и поджег. Мы разбежались. Через несколько секунд раздался взрыв. Сейф подлетел метра на полтора в воздух и грохнулся оземь. Вместо замка зияла дыра из лепестков рваного и обугленного металла. Ценного внутри ничего не было. Чика засмеялся:

– Видал, как шибануло, – восхищенно протянул он, – аж взлетел!

Минут через пять нашелся еще один сейф. Его вытащили за ворота и взорвали – также пустой. Все разочарованно разошлись...

Через два часа я полез на крышу. Лежать было холодно – даже с одеялом, принесенным с собой. Проворочавшись с полчаса, я не выдержал и развел небольшой костер в ржавом корыте, найденном здесь же, на чердаке. Весь чердак был завален старыми досками, поломанными стульями и прочим хламом, так что дров хватало. Стрельба по городу не умолкала ни на секунду. Чаще всего автоматные или пулеметные очереди – то приближаясь, то удаляясь. Вдалеке слышалась артиллерия. Иногда взлетали три зеленые ракеты: сигнал не стрелять – идут свои.

Было около двух, когда Ящур полез менять меня.

Я зашел в комнату погреться. На столе стояла открытая банка помидоров. Съел пару штук. Больше ничего не было. В комнату ввалился Борис с парой стульев для костра, предложил сходить в соседний дом поискать, возможно, окажется что-нибудь съестное.

Перелезли через забор. Я махнул Ящурю рукой, чтобы прикрыл, если что случится. Дом казался относительно целым – даже стекла в окнах, выходящих во двор, были не разбиты. Выбили двери, зашли, но внутри ничего съедобного не было. Во дворе стояла еще одна постройка – то ли дом, то ли сарай. Я выбил ногой замок и вошел внутрь. Две пустые комнаты. Борис полез в погреб. Начал передавать банки с компотами и соленьями – всего штук десять. Я крикнул ему вниз, что этого достаточно, больше все равно не дотащим. Он вылез, вытер одну банку рукавом бушлата, достал штык и в двух местах пробил металлическую крышку. Отпил грамм двести и передал банку мне. Я тоже выпил и отставил банку в угол. Нашли пару сумок, сложили все в них и пошли назад.

Опять перелезли через забор. Ящур сверху попросил попить – я отдал ему одну банку с вишневым компотом. Зашли в комнату и выставили все на стол.

У огня сидели замком 9-й роты капитан Матвеев и Рябинин, молодой лейтенантик, сейчас исполняющий обязанности командира разведвзвода.

– Где были?

Борис махнул рукой в сторону открытой двери, указывая на соседний дом:

– Да здесь, рядом, товарищ капитан.

Откуда-то принесли хлеб. Все сели за стол и поели. От тепла начало клонить в сон – сказывалось, что не спал уже вторые сутки. До дежурства оставалось больше трех часов. Я разделся и повесил сырой бушлат у костра на спинку стула. Залез в самый дальний угол под толстенное стеганое одеяло, укрылся с головой и начал греться. Через пару минут стало тепло. С улицы донеслись автоматные выстрелы. Стреляли совсем рядом, через улицу. Звуки очередей начали убаюкивать. Приятно было сознавать, что ты не стреляешь где-то там, снаружи, а лежишь под одеялом, как гражданский человек в мирной жизни, и собираешься уснуть. Сознание переключилось на что-то другое, далекое отсюда, образы начали путаться. Через пять минут я уже спал глубоким сном.

Около шести меня разбудили заступать на пост. Уже стемнело. Оказалось, что это время произошло несколько событий. Жуков, командир разведроты, умер, так и не придя в сознание. Час назад увезли начальника оперативного отдела бригады Нужного. Ранение было очень тяжелым, и говорили, что тот вряд ли выживет. Так и случилось. Как оказалось, его даже не успели довести до госпиталя. Все произошло настолько глупо, что до сих пор не укладывалось ни у кого в голове.

Нужного, как всегда, потянуло на решительные действия. После того как его назначили начальником разведки группировки, он надумал делать глубокие разведрейсы в тыл к духам. Каждый раз, возвратившись назад, ребята ощущали, будто вернулись с того света.

На этот раз, захватив с собой шесть человек, Нужный пошел в сторону, где утром был бой, и наткнулся на чеченцев. После короткой перестрелки духи исчезли, а он, вместо того чтобы уйти, приказал оставаться в доме, надеясь дожидаться их возвращения. Прошло, наверное, больше часа, когда Казбек первым увидел, как через забор в дальнем углу двора перелез сначала один чеченец, осмотрелся, и за ним появился второй. Казбек позвал Нужного.

– Товарищ полковник, духи. Разрешите, я их положу, – Казбек был из Кабарды и, когда волновался, говорил быстро, и акцент усиливался настолько, что невозможно было разобрать отдельных слов.

Нужный отрицательно покачал головой.

– Возьмем живыми.

Казбек настолько разволновался, что полностью перешел на мат и шепотом орал на Нужного:

– Товарищ полковник, мать вашу, вы совсем охренели? Мы потом хрен из дома выберемся.

Нужный не слушал: во дворе было шестеро духов, и двое из них уже подошли к двери. Первый вошел в комнату, за ним в проеме возник второй. Нужный вышел из-за шкафа, поднял автомат и направил на них:

– Руки вверх, – словно в детской игре или как в дешевой комедии, и передернул затвор.

Патрон уже был в патроннике. Затвор лязгнул с сухим треском, патрон вылетел и ударился о битое стекло на полу. На все представление ушло секунды полторы.

Тот, что был первым, вскинул автомат и с криком «аллах акбар» нажал на спуск. Короткая очередь отбросила Нужного в угол. Казбек, нечленораздельно ругаясь, выскочил из второй комнаты и выпустил в обоих полный магазин. Первого оторвало от пола и отбросило на стену, второго вынесло на улицу. Остальные четверо кинулись назад, во двory. Перед тем как перелезть, один из них повернулся и, не целясь, выстрелил из гранатомета.

Двое наших успели выпрыгнуть в окна, остальные забились в углы. Взрыв. Следом за ним более мощный выстрел и чудовищной силы взрывная волна. Второй взрыв. Кирпичную стену, за которой скрылись духи, разнесло вдребезги.

Оказалось, те двое, что выпрыгнули из окон, увидели, что на дом направлена пушка танка. Не разобрав, чей танк, они рванулись наружу. Но танк был наш. Танкисты увидели, что происходило, и прямой наводкой выстрелили по духам...

В доме из четверых никто не пострадал. Ходили некоторое время ничего не слыша, но через несколько часов все прошло – не было даже контузии.

У Нужного билось сердце, хотя дыхания и не было заметно. Его погрузили в танк, но довести до полевого госпиталя так и не успели.

Никто не горевал и не сожалел о нем. Общее отношение выразил Казбек:

– Идиот, сам под пули полез.

Смерть стала чем-то привычным и обыденным. Все огрубели настолько, что пронять кого-либо уже вряд ли что-то могло. К тому же Нужного и не особенно любили...

Я залез на чердак. Сумерки начали переходить в ночь. Темнело очень быстро. Стрельба не прекращалась – то же, что и днем, только ракет в небе стало намного больше: красные, белые, желтые, зеленые огни. И хотя еще не совсем стемнело, темнота на земле сильно разнилась с небом, расцвеченным как во время праздничного салюта. Иногда ракеты взлетали почти над головой, и тогда окрестности ярко освещались нереальным гипнотическим светом, заставляющим забыть, где находишься, приводившим в какое-то чарующее оцепенение, так что не хотелось ни думать, ни двигаться. Трассера резали небо во всех направлениях, и при взгляде на них казалось, что кто-то бесцельно палит ради забавы, дырявя черную, глухую ко всему пустоту. Розовые точки быстро гасли вверху, поднимаясь с земли пульсирующими тонкими лучами.

Два часа караула прошли спокойно, хотя костер в большом корыте чуть было не погас. Пришлось лазить по чердаку, собирать дрова, так что к концу дежурства я весь измазался в пыли.

После двух часов дежурства я зашел в комнату, согрелся у огня и начал раздеваться, собираясь поспать. Вошел Рябинин.

– Все в порядке?

Я кивнул, не поворачиваясь к нему.

– Я говорю, все в порядке? – переспросил он, пытаясь придать тону стальные нотки.

Я опять кивнул:

– Да.

Рябинин был маленького роста, почти на голову ниже меня, Ящура и Романа. Судя по всему, для него это было основательным комплексом, который он пытался компенсировать развязной, начальственной манерой поведения. Никто не воспринимал его всерьез: офицеры посмеивались над ним, солдаты – кто презирал, кто просто не обращал внимания, за глаза называя либо сопликом, либо недоноском или, чаще всего, производным от фамилии, снисходительно-пренебрежительным «Рябчик». Быть проще и доступнее он то ли не мог, то ли сам попал в ловушку придуманной себе роли и уже не мог выбраться из замкнутого круга. Быть крутым командиром также не получалось. Ситуация давно вышла из-под его контроля и напоминала жалкий фарс. Похоже, он и сам чувствовал, что запутался, но вместо того, чтобы попытаться, пока еще не поздно, стать самим собой, еще сильнее закручивал внутренние гайки.

– Когда я с тобой разговариваю, надо поворачиваться лицом и отвечать как положено!

– Отстаньте, товарищ лейтенант, и без вас тошно, – даже здесь, на войне, где нервы были ни к черту, а люди озлоблены до предела, он пытался внедрить иерархические уставные отношения.

– Командира убили, думаете, никто вас больше в руках держать не сможет? Может, я и не соображаю в разведке, как он, но уж вломить вам всем смогу не хуже его, – он стоял передо мной, лицо передергивалось от злобы и бессилия.

– Ну-ну, – усмехнулся я, – флаг в руки... Только, смотрите, зубы не обломайте...

– Замучился я с вами. Жалко Ворожанина убили, он бы...

– Вы Ворожанина не трогайте. А насчет «замучились», так это мы замучились с таким идиотом, – я поймал себя на том, что тоже начал злиться.

Рябинин хотел сказать что-то еще, но промолчал, буркнул себе что-то под нос, развернулся и вышел на веранду.

Я поел печеной картошки с помидорами, снял сапоги и хотел уже было лечь, но с веранды донесся голос Матвеева:

– Садовский!

Я чуть не задохнулся от злости:

– Что?

– Иди сюда!

Я опять обулся, накинул сверху бушлат и вышел из комнаты.

Веранда находилась чуть ниже комнаты, облицованная плиткой, по периметру – перила из специально обожженной сосны. Посередине стол, вокруг плетеные стулья. На одном сидел Рябинин и, отвернувшись, шомполом помешивал угли в костре, обложенном битыми кирпичами. Рядом стоял Матвеев и ожидал, когда я подойду. Я спустился на несколько ступенек вниз и подошел к нему.

Матвеев был высокого роста, но ужасно худой. Создавалось впечатление, что он вот-вот захлебнется чахоточным кашлем. Даже когда говорил – тихо и отчетливо, – казалось, воздух выходил из его легких с хрипом и всхлипами.

– Вы что, ребята, совсем охренели? – обратился он ко мне во множественном числе. – Командира нет, совсем распустились?

Я молча стоял, ожидая, когда он закончит и можно будет вернуться в комнату и лечь спать.

– Рябинина назначили, значит, будете подчиняться, ясно?

– Ясно... – не было ни сил, ни желания ничего объяснять и доказывать. Проще было согласиться, к тому же Матвеев и не ждал моих объяснений.

Рябинин не шевелился и не поворачивался. Я покосился на него и презрительно покачал головой. Тут не выдержал Матвеев. Ладонью, как-то по-женски размахнувшись, он ударил меня по щеке. На долю секунды я потерял контроль, шагнул на него, хотел было ударить, но вовремя остановил себя. Он отступил на шаг.

– Ох, зря, товарищ капитан, не стоило этого делать, – воздух вырывался у меня из легких со свистом. Я смотрел на него не отводя глаз, потом перевел взгляд на Рябинина. Тот испуганно глядел в нашу сторону. Я развернулся и пошел в комнату. Зашел, сел на стул и уставился на костер. Силы мгновенно улетучились. Я обессиленно смотрел на языки пламени, играющие перед глазами. Кипятился Матвеев, а выдохся я. Появилась обида. Сразу на все и ни на что конкретно. Мысли путались, напозлали одна на другую: «Что я здесь делаю? Кому это нужно?» Улетучилась злость и на начальство, и на людей, затеявших эту войну, наверняка не знавших, что это значит на самом деле – пройти через все эти боль, грязь и кровь... Вслед за обидой пришла тоска. Я не знал почему, но судорожно копался в себе, пытаясь найти причину. И не находил ничего конкретного.

Через несколько минут вошел Матвеев и, не говоря ни слова, сел напротив меня и уставился на огонь. В молчании мы просидели около четверти часа. Неожиданно Матвеев спросил:

– Тебя как зовут?

– Игорь, – я даже не шелохнулся, напряженно глядя на огонь и продолжая думать о своем.

– Ты извини, Игорек, сорвался.

– Да бросьте вы, товарищ капитан, вы тут ни при чем.

– Понимаешь, Рябинин еще молодой, неопытный. Тем более в такое время взвод принял, да еще после смерти Олежки Ворожанина, а вы ему даже шанса не даете проявить себя, – казалось, он пытается оправдываться. Правда, за что, я так и не смог понять.

– Не в Рябинине дело, товарищ капитан. Устали мы здесь просто. Черт знает как устали. Вот и все.

Матвеев вздохнул и помолчал с минуту:

– Ладно, ты ложись, отдохни.

Я молча кивнул. Неожиданно появилось ощущение внутренней теплоты и покоя. Матвеев поднялся и пошел на улицу. Я встряхнулся, быстро разделся, лег и почти мгновенно уснул...

...Я открыл глаза. Разговоры в комнате стали громче. Судя по всему, это меня и разбудило. Помимо голосов слышались постоянные лязг оружия и клацанье затворов. Я не вылезал из-под одеяла, сквозь дрему прислушиваясь к разговорам. В таком состоянии мысли уносились далеко, из ничего выстраивая причудливые образы. Резкий звук или повышение тона мгновенно смывали нарисованные картины и возвращали к действительности. Таким образом, то ныряя в сон, то приходя в себя, я провел с полчаса. Неожиданно снаружи что-то изменилось. Чувствовалось, что все голоса объединила какая-то цель. Некоторые из говоривших были мне знакомы. Послышался голос Матвеева:

– Возьми четырех человек, – очевидно, обращаясь к Рябину, потому что тот сразу ответил:

– Кого?

– Бери всех своих и еще кого-нибудь.

– Садовского не возьму.

«Куда это?» – подумал я.

– Брось чепуху молоть. Бери его, Романова, Федосеева и Черненко.

«Черт, куда они собрались?» – я лежал под одеялом не двигаясь, боясь пропустить хоть слово.

– Может, Ящура взять вместо Садовского? – опять Рябинин.

– Ящунко? – переспросил Матвеев. – Нет, его лучше оставить.

– Давай, буди, – обратился к кому-то Рябинин.

«В разведку, в город», – наконец дошло до меня.

Кто-то начал расталкивать, затем стащил одеяло. Леха Федосеев. Вставать с нагретого места не хотелось. Внутри все прыгало от холода и, главное, страха: кто знал, возможно, это была моя последняя прогулка в жизни. Вставая, сделал сонный вид, задал пару вопросов: «куда?», «зачем?», хотя и так уже понял, что предстоит. В комнату вошли сонный и злой Роман и улыбающийся Чика с печеной картошкой в руке. У огня сидели два незнакомых офицера: майор и старлей. Я, Чика, Роман и Федосей уселись рядом. Рябинин встал перед нами:

– Сейчас мы впятером идем в разведку в город.

Роман отвернулся в сторону и со злостью прохрипел: «Господи, и кто ж это только придумал?»

Рябинин сделал вид, что не услышал.

– Приказ начальника разведки бригады, – помолчал несколько секунд и добавил, не глядя ни на кого: – Через десять минут выходим.

Рябинин иногда косо посматривал на меня. Видно было, что брать с собой не хотел. Боялся, что, если попадем в переделку, я его пристрелю. Ходила масса историй о том, как в разведку или на боевые уходили укомплектованной группой, а возвращались не все. Все списывали на боевые действия.

Оставалось еще минут пять. Я начал проверять и готовить ПК, но Матвеев сказал, что его лучше оставить. Автомат после пулемета казался ненадежным.

Рябинин с офицерами пыхтел над картой, выверяя маршрут. Наконец все уточнили, оглядели друг друга, несколько раз подпрыгнули, чтобы ничего не звенело при ходьбе, еще раз проверили оружие и присели на дорожку.

– Да, и еще, – заговорил майор, – я метров через пятьсот своих ребят оставил. Смотрите не перестреляйте друг друга. Пароль «восемь».

Матвеев проводил до калитки:

– Ну, ни пуха!

– К черту, – Рябинин махнул рукой на прощание.

На улице было темно, холодно и сыро. Мы пошли вниз по дороге. Напряжение и страх внутри растут с каждым шагом. Рубашка насквозь промокла. Явственно ощущаю, как капли пота сбегают по животу и спине и впитываются в ткань, где ремень перетягивает талию. Вязаная черная шапка то и дело сползает на глаза по мокрому лбу. Автомат снят с предохранителя, палец на спуске. Каждые пару минут останавливаемся, хотя за раз проходим не более полусотни метров. Стараемся ступать бесшумно, иногда на носках. Дорожки, прилегающие к домам, усыпаны битым стеклом и кусками штукатурки. При каждом неосторожном движении все это громко хрустит под ногами, гулко отдаваясь в тишине пустых улиц на десятки метров. Иногда взлетают ракеты: почти дневной свет замирает на несколько секунд, освещая все вокруг. Тени домов, деревьев удлиняются, ползут по земле, достигая невероятных размеров, затем неожиданно исчезают, и опять наступает темнота. В такие моменты мы замедляемся или останавливаемся совсем, опускаемся на землю, сливаясь с тенями от заборов и домов, ожидая наступления темноты. Потом встаем и идем дальше, обходя завалы и стараясь не шуметь.

Впереди Роман с «ночником», после него Федосей с неизменной саперной сумкой, набитой взрывчаткой. В середине Рябинин, за ним Чика с автоматом в руках и огнеметом за спиной. Замыкаю я.

Рябинин периодически останавливается, освещает карту маленьким фонариком, который дает минимальное количество света. Чика и Федосей подходят к нему вплотную, загораживая спинами даже малейшие проблески света, и в то же время напряженно оглядывают все вокруг. Роман и я опускаемся на колени с двух сторон от них и, держа автоматы перед собой, осматриваем дорогу и окружающие нас дома.

Опять поднимаемся и идем. Прошло уже, наверное, с полчаса. Мы же преодолели не более километра. С каждой минутой, с каждым шагом страх все больше пропадал. Уже минут через десять-пятнадцать после выхода боязнь наткнуться на духов почти полностью исчезла. Остались лишь напряжение от ощущения пугающей неизвестности и смутное чувство нереальности происходящего – все словно бы напоминало бессмысленную и бесцельную игру, которую необходимо доиграть до конца.

Мы остановились в тени забора. За ним горел огромный двухэтажный дом. Неожиданно с той стороны, откуда мы пришли, донеслись еле слышные щелчки затворов. Я тихо свистнул. Рябинин и ребята повернулись ко мне. Я показал пальцем на затвор и махнул в сторону происхождения звуков. Все мгновенно присели и стали напряженно прислушиваться, вглядываясь в темноту. Головой ручаюсь, у всех в эту минуту родилась одна и та же мысль: «Капец, влипpli». Возможно, с небольшими вариациями. По правде говоря, я и сам не был полностью уверен, были ли это щелчки затворов или звуки горящих досок и лопающегося

от жара шифера. Но лучше было лишний раз подстраховаться, чем получить пулю в спину.

Так, без движения и в полном молчании, мы просидели минуты три. Тишина. Поднялись и пошли дальше.

Большой дом. Фигурные решетки на окнах. Пустые глазницы окон, нет даже рам, лишь слабый ветерок надувает легкие светлые занавески. И опять пугающая тишина и все более увеличивающееся равнодушие к своей судьбе, к своему будущему.

Следующий дом. Даже не дом, а лишь три обгоревших стены. На месте четвертой воронка от снаряда. Крыши нет. Остатки от нее огромным завалом лежат между стен.

На перекрестке мы останавливаемся и сверяем маршрут. Еще одна улица, заваленная обломками домов и заборов...

Огромный пустой город, захлебнувшийся в войне. Иногда на заборах, калитках или стенах встречаются надписи мелом или углем: «Здесь живут люди». Всегда одно и то же без изменений. Но сейчас едва ли в половине домов с надписями остались люди.

Еще раз осматриваемся и опять под прикрытием заборов и стен скользим вперед. И снова остановка, и опять физически ощутимая тишина. Но теперь уже не пугающая. Нервы устают от напряжения и дают сбой. На смену напряжению приходят спокойствие и уверенность в себе. А с ними приходит злость. На себя, на духов, на собственные страх и неуверенность, на бессмысленную и отупляющую войну. От злости скрипят зубы и вдвойне обостряется внимание.

Еще сто метров вперед. Перед нами трехэтажный дом. Без окон, дверей и половины крыши, наполовину черный от гари и пепла. Один за другим перебегаем улицу и с оружием наизготовку входим внутрь. Лестницы наверх нет. Поднимаем головы вверх: звездное небо. Части полов второго и третьего этажей каким-то чудом держатся между стенами. Еще раз сверяем маршрут и выходим на улицу.

Каждое здание на пути хранит отпечаток войны. Целыми у нас называются дома с дверьми и крышей. И каждый из них может укрывать духов и с ними нашу смерть.

Проходим еще метров двести вперед. Улица разбивается на четыре небольших переулка. Опять остановка. Рябинин разворачивает карту. По его лицу видно, что где-то здесь и есть наша конечная цель. Он сворачивает карту и удовлетворенно кивает самому себе. Потом встает и всматривается в ржавую облезлую табличку на стене с указанием улицы и номера дома. Еще раз кивает головой и показывает, чтобы отходили. Мы молча переставляемся. Опять Роман впереди, за ним Федосей, Рябинин, Чика и я.

Назад идем чуть быстрее. С тех пор как вышли, прошло уже полтора часа. У трехэтажного обгоревшего дома опять останавливаемся. Рядом с домом темный переулок. Все с сомнением ожидают, что придумает Рябинин. Тот стоит в нерешительности, но приказ был, как видно, обследовать и это место. Рябинин встречается глазами с Чикой, секунды две они смотрят друг на друга безотрывно. Наконец, Чика кивает и, как всегда, весело улыбается:

– Я посмотрю.

Мы прижимаемся к забору. Чика беззвучно скользит в темноту. Смутно виден его силуэт метрах в пятидесяти впереди. Через три-четыре минуты возвращается назад. Идет посередине переулка, даже не укрываясь. Знает, что бесполезно. Все равно как на ладони – достанут.

Война вырабатывает азарт и безразличие. Чем больше гибнет вокруг людей, тем легче и спокойнее воспринимается мысль о собственной смерти.

Чика подходит ближе и улыбается:

– Нет никого, чисто.

Мы улыбаемся в ответ. Чувствуется, что Чика уже давно устал бороться и живет только настоящей минутой. Весь вид его говорит: «Вот, мол, опять остался жив». И от его улыбки всем становится веселей и спокойней.

Возвращаемся. Поворот направо. Остановка. Поднимаемся и опять идем. Вот уже позади дом из трех стен, дом с резными решетками на окнах. Настроение поднимается. Тишина с мелкими ночными звуками действует расслабляюще. Проходим горящий дом. Только сейчас я задумываюсь, почему не слышно ни одного звука: в частном секторе нет ни одной собаки. Не слышно даже рычания. Духи стреляли собак, чтобы те не выдавали их лаем, наши – по той же причине. Если их и осталось хоть немного, то наверняка забились куда-нибудь очень далеко. Тоже своеобразный иммунитет против войны.

Останавливаемся там, где я услышал щелчки затворов. До своих – метров пятьсот. Глупо было бы не вернуться...

Ждем очень долго. Глаза устают всматриваться в темноту. Проходим еще метров сто. Переулок упирается в дом. Вместо окон – аккуратно уложенные стопки кирпичей. Растекаемся по обеим сторонам улицы. Если здесь и есть духи, то это их последнее возможное убежище на пути, дальше – наши. Время тянется мучительно долго. Не слышно ни шороха. Встаем и сворачиваем в переулок. Роман первый. Идет боком, быстро, но бесшумно. Приклад автомата уперт в живот. Дуло перескакивает от одного окна к другому, по мере движения мимо немых стен. Проскакивает. Садится на корточки и направляет автомат на забаррикадированные оконные проемы.

Теперь Федосей. Леха движется еще быстрее Романа. За ним двигается Рябинин. Я вжался в стену. Ремень автомата перекинут через плечо, палец ощущает холодный спусковой крючок. В левой руке зажата граната. Федосей устраивается в метре от Романа в той же позе. Теперь очередь Чики. Но не успевает Рябинин дойти до Федосея и Романа, как раздается резкий хриплый голос: «Стой! Три!» Как удар по оголенным нервам. Чика отскакивает назад. Рябинин от неожиданности поскользывается и падает на задницу.

Полсекунды, секунда... Тишина. Лоб покрывается испариной. Предательски обжигающие капли пота катятся по спине и бокам. Еще секунда. Невозмутимо спокойный голос Лехи Федосеева отвечает: «Пять». Напряжение мгновенно отпускает. Плечи и руки расслабляются.

– Вы откуда? – тот же голос.

И опять отвечает Федосей. Равнодушным донельзя голосом. То ли самообладание такое, то ли ему действительно наплевать на все. Он спрашивает в свою очередь у невидимого собеседника, откуда они сами.

– Рязанский полк.

Рябинин медленно поднялся. Видно было, что он до сих пор с трудом верил, что все обошлось. Я засунул мокрую от пота гранату в карман и вытер руку о штанину. «Вот черт», – в голове застыла одна фраза, ни к чему не лепившаяся. Самопроизвольно родившись, она уже несколько секунд висела во внутренней пустоте. Я поглубже вздохнул и быстро зашагал за удаляющейся группой.

Минут через десять вошли во двор «нашего дома».

Грек, сидевший возле калитки, радостно вскочил и быстро заговорил с жутким акцентом, постоянно вставляя греческие слова взамен забытых русских. Подбежал ко мне, что-то говоря. Я не слушал. Вымученно улыбнулся, облегченно махнул ему рукой и пошел внутрь. Все пришедшие окружили кастрюлю, доверху засыпанную черно-красными мерцающими углями, и молча снимали бронежилеты и бушлаты. Я стянул бушлат. Китель и рубашка под ним были насквозь мокрыми. Быстро стащил и их, скомкал и бросил в дальний угол комнаты.

На столе стояли две открытые, наполовину пустые бутылки водки. Кто наливал водку в стаканы, кто прикладывался к горлышку. Я налил полстакана, залпом выпил и полез в шкаф искать свежую рубашку. После долгих поисков нашел подходящий размер, надел на голое тело и подошел к костру погреться.

В комнате уже было человек десять. Все возбужденно гудели. Лишь Чика и Федосей сидели откинувшись на стульях и молча, блаженно улыбались. Роман сразу же ушел спать в другую комнату. Рябинин пошел докладывать о результатах разведки. Офицеры что-то обсуждали и поминутно оглядывались на дверь, ожидая Рябинина. Спустя несколько минут тот вошел пошатываясь, видно, уже принял на грудь у начальника разведки.

Матвеев спросил первым:

– Что теперь? – имея в виду новое задание.

– Пока отдыхаем.

Они уселись за стол. Все наперебой стали спрашивать Рябинина, как сходили. Тот отвечал, все больше и больше оживляясь. Я согрелся у костра, разделся и залез под одеяло. Адреналин все еще бродил в крови, и заснуть было трудно. Через некоторое время шум стал доноситься слабее. От тепла и относительной безопасности настроение поднялось. Уже откуда-то издали слышался голос одного только Рябинина – пьяный и самодовольный. Я усмехнулся сквозь наваливающуюся дремоту: «Разошелся Рябчик...»

Уже сквозь сон до слуха донесся голос Матвеева:

– Как ребята себя вели? – Я приоткрыл глаза, прислушиваясь.

Рябинин на секунду осекся.

– Федосей молодец. Если бы не он, перестреляли бы нас как... – как кого перестреляли бы, так и не сказал.

– Черненко тоже молодец, Романов вообще первым шел, – добавил уважительно.

Я вспомнил недавнюю ссору и усмехнулся: «Про меня, наверно, и не вспомнит».

Рябинин помедлил и, чуть понизив голос, смущенно добавил.

– И Садовский отлично держался, – наверняка тоже вспомнил ссору, свое недоверие ко мне и еще тише прибавил: – Молодец...

Я опять усмехнулся, но уже без злорадства. Стало плевать на войну, духов и весь бардак вокруг. С уважением вспомнил ребят, одного за другим, улыбнулся каждому и уснул.